

18+

Виктор Харебов

Сергей Харебов

Ошибка центуриона

ВИКТОР ХАРЕБОВ
СЕРГЕЙ ХАРЕБОВ

ОШИБКА ЦЕНТУРИОНА

Из цикла «Хроники стародавних
царств»

Издательские решения
По лицензии Ridero
2025

УДК 82-3
ББК 84-4
Х20

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Харегов Виктор

Х20 Ошибка Центуриона : Из цикла «Хроники стародавних царств» / Виктор Харегов, Сергей Харегов. — [б. м.] : Издательские решения, 2025. — 36 с.
ISBN 978-5-0065-9730-3

Профессор Вейр и его ассистент Крис Кеннетт переносятся на машине времени в 73 год н.э. и становятся свидетелями взятия римлянами крепости Масада. Их встреча с центурионом Маром Лицинием оборачивается философским поединком о власти, истине и цене порядка. Пока Рим празднует победу, Вейр понимает: свобода начинается там, где кончается страх. Это повесть о времени, выборе и о том, что сильнее — меч, внушающий подчинение, или дух, способный умереть, но не склониться.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0065-9730-3

© Виктор Харегов, 2025
© Сергей Харегов, 2025

ПРОЛОГ

Лекция профессора Вейра в Институте доисторических технологий

В аудитории магистрантов Института доисторических технологий за лекторским столом стоял человек, чье имя давно стало легендой в академических кругах — профессор Эдвард Вейр. Его лицо, изрезанное тонкими морщинами, хранило усталость, но глаза оставались живыми — внимательными, как у человека, однажды заглянувшего за грань дозволенного знания. На столе перед ним лежала старая кожаная папка. Из нее выглядывали уголки пожелтевших снимков, фрагменты схем, полевые заметки — следы экспедиции, о которой ходили упорные слухи: о несанкционированных переходах во времени, исчезновении с радаров, загадочном Щите-Ω — прототипе квантового гравимагнитного барьера. Но сам Вейр до сих пор хранил молчание. До сегодняшнего дня.

Он достал из внутреннего кармана небольшой футляр. Раскрыл. Внутри — потускневший серебряный амулет с изображением Медузы Горгоны. Он бережно положил его на кафедру, как реликвию.

— Мы всегда думаем, что знаем прошлое, — произнес он тихо. Голос его напоминал шорох сухого листа. — Мы препарируем его, классифицируем, обсуждаем на конференциях... Но в глубине души надеемся, что оно никогда не постучится в нашу дверь.

Он шагнул ближе к свету.

— Но прошлое — не музей. Оно дышит. Оно может оказаться рядом — не на страницах, а в воздухе. Оно может посмотреть тебе в глаза... и задать вопрос.

Аудитория слегка оживилась. Вейр продолжал:

— Вы спросите, зачем я принес этот амулет? Это не трофей. Это — память. Напоминание. Предупреждение.

Он вновь взглянул на амулет, словно сверялся с ним.

— Люди, о которых вы читаете в учебниках, не были статуями. Они были живыми людьми. Они заблуждались, верили, ненавидели. Я видел их. Я говорил с ними. Я спорил с одним из них — центурионом, римлянином, человеком фанатичной веры в Империю. И, возможно, это был один из самых опасных людей, которых я встречал. Не из-за меча. Из-за убежденности.

Он медленно провел взглядом по рядам студентов.

— Эта история не о машине. Не о Риме. И даже не о времени. Она — о том, что остается от человека, когда исчезают титулы, знамена и стены. Она началась с научного эксперимента. А закончилась — философским потрясением.

Он положил ладонь на папку.

— И если вы думаете, что это просто еще одна академическая легенда?..

ГЛАВА 1.

ЩИТ-Ω

Лаборатория квантовых исследований Института доисторических технологий находилась в главном здании института, на девятом этаже. Сквозь ее широкие окна открывался вид на небольшой внутренний парк с круглыми клумбами и старыми деревьями. Днем сюда проникал мягкий свет и легкое дыхание внешнего мира. Тишину иногда нарушали тихое гудение оборудования и потрескивание сверхпроводников в системе охлаждения. Все дышало точностью, контролем и будущим.

У одного из столов, уставленного диагностическими модулями и экранами, сидел профессор Эдвард Вейр — человек с выразительными, глубоко посаженными глазами и чертами лица, которые напоминали выветренный камень. Рядом с ним — его молодой магистрант, инженер и теоретик Крис Кеннетт.

В середине лаборатории, заключенный в сферу из прозрачного полимерного купола, находился предмет, который профессор Вейр назвал Щит-Ω. На деле это был квантовый генератор защитного поля нового поколения — устройство, способное не просто отталкивать физические воздействия, но и создавать невидимую сферическую оболочку вокруг человека. Эта оболочка

была абсолютно прозрачной для глаза и непроницаемой для любого материального объекта. Но главное — в связке с экспериментальным квантовым процессором временного сдвига устройство могло открывать временные окна.

— Поляризация стабилизируется, — сообщил Крис, не отрываясь от экрана. — Щит-Ω держит фазу уже 32 секунды.

— Значит, пора навести на него пушку, — с легкой улыбкой сказал Вейр и повернулся к другой консоли.

Они проверяли все: от энергетической устойчивости оболочки до взаимодействия с потоками плазмы. Сначала использовали механическое воздействие — стрелу, копьё, штыковую атаку роботизированного манипулятора. Все отскакивало, скользило, ломалось. Затем — огонь, высокочастотные волны, электромагнитный импульс. Ничто не проходило сквозь сферу.

Позже последовал следующий этап — тест на невидимость. Крис вошел в радиус действия устройства, и спустя секунду его силуэт растворился в воздухе. Камеры ничего не фиксировали. Сканеры выдавали пустоту. Казалось, человек испарился. Но Вейр видел: все работает.

— А теперь ты, призрак, подойди ко мне и нажми на плечо, — сказал профессор, стоя к нему спиной.

Через пару секунд он почувствовал легкое касание.

— Чудесно, — восторженно произнес он. — Мы создали щит-невидимку. Это не просто оборона. Это — маскировка. А теперь, — он посмотрел на контроллер, — осталось проверить поведенческую логику временного блока.

Некоторые сотрудники лаборатории, наблюдавшие через стекло из командного поста, переглядывались. Один из физиков, доктор Мишель Левек, прошептала:

— Если это работает... это уже не физика. Это новый этап эволюции.

На следующий день был запланирован завершающий эксперимент — включение временного модуля в связке с полевым щитом. Задача была простая: создать защитное поле, затем активировать на полсекунды временной импульс. Профессор Вейр и Крис Кеннетт находились в центре купола.

Обратный отсчет. 5... 4... 3...

— Поле стабильно, — произнес Крис.

2... 1...

И тут все пошло не так.

Сначала — короткий импульс в электросети. Затем — флуктуация фазового канала. Щит не отключился. Напротив, напряжение усилилось. Контуры Вейра и Криса начали дрожать, размываться, словно волны шли по их телам. Загорелся аварийный индикатор «ВРЕМЕННОЙ ПРОТОКОЛ АКТИВИРОВАН».

— Крис! Отключи процессор! — крикнул Вейр, но звук уже не проходил сквозь активное поле.

Вспышка. Визг воздуха. Мгновение — и лаборатория опустела.

Только вакуумный купол продолжал гудеть, как забытая нота на выдохе вселенной.

А где-то далеко в прошлом... на фоне палящего солнца, на дороге в пустыне появились две фигуры.

ГЛАВА 2. КОНТАКТ В ПУСТЫНЕ

Горячий ветер пустыни ударил в лицо, как раскаленный металл. Профессор Вейр и Крис Кеннетт стояли посреди безмолвного пейзажа: бескрайняя пустыня, пересеченная каменными гребнями, выжженная солнцем земля и далеко впереди — массив скалы, увенчанный чернеющими строениями.

— Это... Масада, — тихо произнес Вейр. — Дворец Ирода, который стал последним оплотом зилотов.

Под ногами скрипел песок. Над головой звенела тишина.

Крис поднял руку, чтобы заслониться от солнца:

— Профессор... вы только посмотрите вниз. Вон там — лагерь.

Ниже, у подножия скалы, располагался огромный военный лагерь. Ровными рядами стояли римские палатки, натянутые на каркас из легкого дерева. Территория была строго распланирована: в центре — преториум, палатка командующего. По периметру — рвы, частокол из острых кольев, сторожевые башни. Красные штандарты с золотыми буквами LEG·X·FRET колыхались на жарком ветру.

Легионеры в сегментной броне маршировали по утоптаным дорожкам, их движения были выверены, меха-

ничны. Стража у внешнего периметра сменялась каждые полчаса. Над лагерем стоял запах пыли, пота, металла и сваренного вина.

— Это Десятый легион, — произнес Вейр. — «Фретенсис». Последняя осада. Последняя кровь.

Но не успел он закончить фразу, как из-за поворота между камней показался римский патруль. Пятеро легионеров, вооруженных копьями и пилумами, шли настороженно. Один из них, очевидно командующий, поднял руку:

— *State! Quis estis?*¹

Не дождавшись ответа, один из патрульных легионеров с криком метнул копье. Острие блеснуло в воздухе, но, не долетев до цели, бесшумно отскочило от невидимого защитного поля, окружавшего путешественников, словно ударились о каменную стену. Второй легионер отшатнулся, а центурион, который был во главе патруля, схватил рукоять гладиуса и шагнул вперед. Он был высокого роста и могучего телосложения. На его голове красовался шлем с поперечным гребнем, ноги были облачены в серебряные поножи, и в руке он держал сигнум. Его лицо было иссечено шрамами, взгляд — тяжелый.

— *Num di estis... an machina daemonum?*² — низким голосом спросил центурион.

Профессор сделал легкое движение рукой и заговорил по-латыни, отчетливо, уверенно:

— *Nos non hostes sumus. Ex longinquo futuro venimus...*³

Легионеры замерли. Даже ветер, казалось, стих. Центурион медленно вытащил гладиус из ножен, не делая выпадов, — скорее как жест оценки.

¹ Назовитесь! Кто вы?!

² Вы что, боги... или машина демонов?

³ Мы не враги. Мы прибыли из далекого будущего.

– Они нападают, – пробормотал Крис.

– Не нападают. Проверяют, – спокойно сказал Вейр.

Патруль окружил их. Один из легионеров попытался схватить Криса за руку – и отлетел назад, будто ударившись об стену.

– *Di immortales...*¹ – прошептал один из легионеров.

– Кто вы? – продолжал центурион, голос его был тверд. – Ваши доспехи невидимы, оружия не видно. Но я видел, как копьё отскочило от вашей груди, как от черепахи.

Профессор шагнул вперед.

– Мы не воины. Мы странники... из очень далекой земли.

Центурион бросил тяжелый, пристальный взгляд на Вейра.

– Странники без страны. Без страха. Вы говорите как философ, но двигаетесь как маг. Кто ваш император?

– Наш народ не подчиняется императору. Мы верим, что знание выше власти.

– Знание – ничто без силы. Меч Рима доказал это сотни раз.

Профессор молчал.

– Считаю, они шпионы. Притворяются безумцами, но могут быть вестниками мятежников, – произнес один из легионеров.

– Нужно взять их под стражу, – сказал другой.

Солдаты стали искать способ пробить невидимый защитный экран, пытались обойти его, затянуть петлю, кинуть сеть. Все было тщетно: невидимая оболочка отталкивала любые попытки. Один из легионеров вскрикнул, упав навзничь – поле отбросило его, когда он приблизился сзади.

¹ О, бессмертные боги...

Центурион Мар Лициний, не выказывая страха, подошел ближе всего. Он внимательно вглядывался в лица пришельцев.

— Если вы не враги — докажите это. Идите со мной. Я отведу вас к легату Луцию Флавию Сильве. Он решит, кто вы: боги, демоны... или просто обманщики.

Вейр посмотрел на Крису. Тот едва кивнул.

— Мы пойдем, — сказал профессор. — Но касаться нас вам будет нельзя.

— Не беспокойтесь, — с усмешкой сказал Мар. — Ваш призрачный щит будет вашей броней... до ворот преториума.

И они двинулись к лагерю Десятого легиона, под взглядами легионеров, которые смотрели на них так, как древний мир смотрел на то, что пришло из будущего.

ГЛАВА 3. ПЕРВАЯ КОГОРТА

Процессия приближалась к лагерю. Песок под ногами римлян скрипел, оружие звенело на ходу. Над лагерем развевались алые штандарты с надписью LEG·X·FRET, и солнце сверкало на металлических гребнях шлемов.

Профессор Вейр и Крис шли внутри кольца патруля. Впереди — Мар Лициний, центурион первой когорты. Его шлем с поперечным гребнем, сигнум с фалерами и серебряный амулет с изображением Медузы Горгоны — все в его облике говорило о власти, строгости и опыте.

— Ты спокоен, профессор, — пробормотал Крис. — Но они смотрят на нас, будто мы звери на арене.

— Потому что они никогда не видели того, чего не могут понять, — тихо ответил Вейр.

Мар Лициний время от времени бросал на Вейра косые взгляды. В походке, в выражении лица этого чужака было нечто раздражающее — что-то, что не укладывалось в привычные рамки. Скорее всего, Мара злило отсутствие страха или раболепия, которое он привык видеть у пленных. Вейр держался ровно, без вызова, но и без тени покорности — словно сам решал, какому времени и чьей воле подчиняться.

Когда они подошли к центру лагеря, вся строгая симметрия легионерского быта раскрылась перед путешественниками. Ряды палаток, выстроенные по линиям, как клетки на шахматной доске. Центурионские палатки были крупнее. В центре — преториум: палатка легата — с двойным входом, знаменами, охраной.

— Это ваша резиденция? — с иронией произнес Вейр, окидывая взглядом ряды палаток, выстроенных в безупречном порядке.

— Это Рим, — отрезал Мар. — Упорядоченность — наша суть.

Он замедлил шаг, отвечая легким кивком на знак приветствия постовых.

— А если порядок, который вы приносите, строится на страхе и крови — остается ли это порядком?.. Вы не сомневаетесь... даже когда наказываете невиновных? — вдруг задал Вейр вопрос, словно продолжая предыдущую мысль.

Мар не сразу ответил.

— Рим не может себе позволить сомнение. Мы приносим порядок в мир. А порядок требует жертв.

— Но что, если жертвой становится само человечество?

Мар хмуро промолчал. Затем развернулся и вошел в преториум.

Внутри было прохладнее. Палатка легата оказалась просторной. Драпировки из красной материи, щиты с гравировками, золотой кубок на массивном деревянном столе. На серебряном подносе лежали инжир, виноград, ячменные лепешки, сыр, миска с маринованными оливками. Рядом — кувшин с разбавленным вином и тонкая чаша.

За столом сидел Луций Флавий Сильва, легат Десятого легиона. Его взгляд был тяжел, самодоволен. Он не встал при появлении Мара, лишь сделал кивок.

— Рассказывай.

Мар доложил, затем молча кивнул в сторону входа.

Через несколько мгновений охрана ввела Вейра и Криса.

Легат лениво окинул их взглядом, осматривая одежду, лица, манеру стоять. Его губы скривились.

– Кто вы? Колдуны?

– Ученые, – с достоинством ответил Вейр. – Мы из будущего.

Сильва усмехнулся.

– Будущее принадлежит Риму.

– Лишь в ваших глазах, – спокойно ответил Вейр.

– В моих глазах, странник, вся эта земля – наша. Эти горы, эти деревни, эти пустынные долины. И если вы прибыли не с поклоном – вы враги.

– Мы прибегаем не к мечу, а к знанию.

– Знание – это игрушка философов. Меч – судьба империи, – вмешался Мар.

Легат кивнул.

– Рим жив не потому, что его любят. А потому что его боятся.

– И вы гордитесь этим? – спросил Крис, не сдержавшись.

Мар шагнул вперед, но Сильва поднял руку.

– Пусть говорит. Позже он будет молчать.

Он откинулся в кресле.

– Я не верю в сказки. Вы говорите на латинском, носите странные одежды, у вас нет знамени. Нет легиона. И нет хозяина.

– Мы свободны.

– Свободных не бывает. Есть повинующиеся и восстающие. Вы – вторые.

Сильва сделал глоток вина и отдал приказ:

– Эти двое – шпионы. До рассвета они останутся под стражей. Потом – допрос. Может быть, распятие.

– Плохая идея, – произнес Вейр. – Кровь никогда не сделает вас ближе к истине.

– Истина не нужна. Мне нужна дисциплина.

Охрана провела их наружу. Позади слышался смех Сильвы. Мар не смотрел им в глаза.

Их отвели к загону из жердей, связанных толстыми канатами. Это была клетка для пленных, в дальнем углу лагеря. Внутри лежала охапка соломы, глиняная миска с лепешками и бурдюк с затхлой водой.

Римляне захлопнули ворота, заперли на штырь. Один из легионеров с ухмылкой бросил:

– Наслаждайтесь гостеприимством Рима.

Я вижу, в Вас нет ни малейшего сомнения в том, что мы подсланные шпионы. – Произнес Вейр, обращаясь к одному из конвоиров.

– Рим не может себе позволить сомнение. Мы приносим порядок в мир. А порядок требует жертв.

– Вы все еще верите, что Рим вечен?

– Пока я жив – да.

– Вы могли бы изменить будущее, – говорит Вейр.

– Нет. Я лишь солдат Рима.

Вейр опустился на солому. Крис сел рядом.

– Он не верит ни слову, – сказал юноша.

– Он не должен верить. Он должен начать сомневаться, – ответил Вейр. – Все начинается с трещины. Даже в империи.

ГЛАВА 4. ДОПРОС У ЛЕГАТА

Ночь в пустыне была суровой. С наступлением темноты поднялся ветер, а температура стремительно упала, понижаясь до самых костей. Песок, раскаленный днем, теперь хрустел под ногами, словно иней.

Профессор Вейр и Крис Кеннетт прижались друг к другу, кутаясь в тонкие плащи. Ни огня, ни одеяла — только слой соломы под ногами и дыхание, превращающееся в пар.

— Теперь я понимаю, почему римляне боятся ночных вылазок, — пробормотал Крис.

— Они боятся не холода. Они боятся того, что в темноте легко теряются границы между страхом и совестью, — ответил Вейр.

На рассвете к клетке подошли трое: центурион Мар Лициний и два легионера. Мар постучал по жерди копьем.

— Подъем. Легат ждет вас.

Путешественники вышли из клетки, дрожа от утреннего холода. Держались с достоинством, проходя мимо конвоиров и легионеров, которые с самого рассвета окружили клетку-тюрьму, разглядывая чужаков с любопытством и недоверием. По пути Вейр повернулся к центуриону.

– Позвольте спросить: зачем эта жестокость? Мы ведь не сделали вам ничего плохого.

Мар молчал некоторое время, затем сказал:

– В Паннонии я взял деревню. Почти все мужчины были убиты. Осталась женщина с детьми. Я... пощадил их. Потом ночью Глава семьи вернулся. Вот этот шрам – от его топора. Я не простил.

– И с тех пор вы верите, что варвары не заслуживают пощады? – спросил Вейр.

– Я верю, что Рим – единственный, кто может наводить порядок. Остальные – шум и дикость.

Подойдя к палатке легата, охрана отодвинула ткань входа. Внутри все было по-прежнему: ковры на песке, массивный стол с картами Иудеи, золотой кубок, миска с виноградом и ломтями сыра. За столом сидел Луций Флавий Сильва. Он не встал, лишь махнул рукой, разрешая войти.

– Садитесь. Если это в ваших правилах, – сказал он с усмешкой.

– Спасибо, – вежливо ответил Вейр.

– Итак. Вы говорите, что не шпионы. Но как объяснить, что вы появились в момент, когда судьба всей Иудеи решается здесь, у подножия этой скалы?

– Мы прибыли не случайно. Но и не по приказу мятежников, – спокойно сказал Вейр. – Мы из будущего. Мы ученые, исследующие прошлое.

Сильва усмехнулся.

– Значит, боги дали вам крылья времени. И вы решили, что Рим – подходящий предмет для изучения?

– Именно так. Потому что Рим – иллюзия, возмнившая себя вечной. Рим – это иллюзия порядка, возведенная на гордыне. И тем он и интересен – как наглядный урок: в его просчетах больше истины, чем в его победах.

Вейр продолжал:

— Вы прибыли сюда на двадцати кораблях. Из Италии — через Пирей, затем по дороге из Кесарии. Десятый легион шел под знаменами императора Веспасиана. Вы не сразу подошли к Масаде. Сначала подавили восстание в Иерусалиме. Вы убили тысячи людей, разрушили Храм. И только потом направились сюда. Это будет последняя крепость.

Сильва напрягся.

— Откуда тебе это известно?

— Я знаю, кем был Веспасиан и кем станет его сын Тит. Я знаю, что спустя сто лет Рим будет разделен. Что Траян придет с востока, а затем — Адриан построит стены, чтобы не пустить варваров. Знаю, что Константин сменит богов. Знаю, что последний император будет мальчиком, которого свергнет варвар по имени Одоакр. И знаю, что варвары разберут ваш амфитеатр Флавия¹ на части. Из его бронзовых балок будут делать мечи.

Мар молча смотрел в землю.

Вейр на несколько мгновений умолк, затем перевел дух и продолжал:

— Ваши люди уже перестали сражаться за идею. Они грабят. Вы забираете хлеб, женщин, металлы. Ваши виллы полны рабов. Ваш сенат — игра. Рим стал машиной, в которой человечность — лишь сбой.

Сильва встал. Он медленно подошел к Вейру.

— И ты хочешь, чтобы я поверил в конец? В падение Рима?

— Я хочу, чтобы вы поняли: ваша сила уже стала слабостью. Чем больше вы берете — тем меньше у вас остается.

¹ Вейр имел в виду Колизей. Древние римляне не называли Колизей Колизеем — это название появилось позднее, в Средние века. Официальное название амфитеатра при его постройке было: Amphitheatrum Flavium — Флавиев амфитеатр.

Сильва долго смотрел ему в глаза, затем произнес:

— Я не могу вас убить. Ваш щит... ваши слова... все это слишком. Возможно, вы и впрямь пришли не из этого мира. И все же... я не отпущу вас.

Он сделал знак рукой.

— Отведите их в гостевую палатку. Дайте им чистую воду и пищу. И пусть к ним придет писец. Я хочу знать все, что они могут рассказать. И пусть верят, что это гостеприимство. Но это допрос. Только медленный.

Мар кивнул. Когда они выходили, он сказал Вейру:

— Ты многое знаешь. Но и ты ошибаешься. Вера сильнее знания.

— Возможно. Но только знание спасает, когда вера приводит к гибели, — ответил Вейр.

И они направились в сторону палатки, где уже ждали вино, хлеб... и еще много вопросов.

ГЛАВА 5. ПЫЛЬ И КРОВЬ ИУДЕИ

Сквозь сухую пыль Иудейской пустыни двигались тысячи тел. Земля дрожала от шагов, от колес, от ритма лопат и мотыг. Римляне построили вокруг Масады кольцо укреплений — циркумвалляционную линию¹, чтобы отрезать зелотов от внешнего мира. Но стена Масады была непреступной, и легат Сильва знал: придется взять ее силой.

С запада, где склон был наименее крутым, началось великое строительство. Рабов и пленных сгоняли под крики надсмотрщиков. Они носили корзины с землей, камнями, укрепляли пандус. Работа длилась неделями. Солнце высушивало тела, кровь текла от бичей и острых углов камней.

Профессор Вейр и Крис наблюдали за происходящим из специально выделенной палатки. Искусственная насыпь

¹ Циркумвалляционная линия (лат. *linea circumvallationis*) — каменное кольцо укреплений, полностью окружавшее крепость Масаду, чтобы восставшие зелоты не могли вырваться наружу. Протяженность этой линии — около 4,5 километров. Внутри кольца были устроены лагеря (*castra*) для римских легионеров — всего восемь лагерей, соединенных дорогой и стеной. Также была построена штурмовая рампа (наклонная насыпанная платформа, пандус), по которой римляне подкатили осадную башню к стенам Масады.

уже была почти готова, и Вейр понимал, что совсем скоро римляне начнут свою последнюю атаку. Стража не спускала с них глаз, но вино, вода и тень делали их «гостями». Каждый вечер к ним приходил писец, записывая их слова. Каждый вечер они отказывались раскрыть секреты технологии щита.

— Это бессмысленно, — говорил Вейр. — Они хотят вытянуть у нас будущее, не понимая, что оно не продается.

Через пару дней все изменилось.

— Они закончили, — сказал Крис, глядя в сторону горы.

По насыпи, словно по дороге, римляне начали подтаскивать осадную башню с тараном. Башня была высокая, обитая кожей, с огнеупорной крышей. На уровне второго яруса сидели лучники. Внизу — сам таран: тяжелая балка с железным наконечником в виде головы барана.

С вершины Масады, за каменными зубцами, виднелись тени защитников. Они стреляли из луков, метали камни, но — тщетно.

Пламя, пыль, звон металла. Машина достигла стены. Таран начал свою работу.

«Бум... бум...» — удары сотрясали воздух. Земля отзывалась эхом.

— Профессор... — сказал Крис. — Мы обязаны что-то сделать.

Вейр качнул головой:

— Мы не можем вмешиваться. Мы не вправе менять ход истории. Мы должны только наблюдать.

С вершины крепости на римлян обрушился град стрел. В ответ — залп из баллисты. Несколько зелотов упали со скалы, их тела катились по склону, словно мертвое знамя свободы.

— Они соорудили внутреннюю стену, — заметил Вейр. — Деревянную, из бревен и глины. Удар тарана теряет силу.

— И что теперь? — спросил его Крис.

— Они ее подожгут.

Так и случилось. Под прикрытием щитов, римляне подложили факелы под основание второй стены. Пламя взвилось, как знамя Рима. Зелоты пытались тушить, но огонь пожирал бревна.

Ночь спустилась, и в небе полыхали угли, словно звезды гнева. Римляне отступили, зная, что утром Масада падет.

Вейр стоял на холме, глядя на горящий склон. Его лицо застыло. Крис молчал.

— Завтра они войдут. И никого не найдут, — сказал Вейр.

— Почему? Они могли бы сдаться, выжить...

— Потому что есть вещи хуже смерти, — произнес профессор. — Они выберут свою волю. Они лишат Рим триумфа. Это будет их победа.

И в этой ночной тишине, сквозь запах гари и шелест песка, рождалась легенда — о последнем дыхании свободных людей.

ГЛАВА 6. ОШИБКА ЦЕНТУРИОНА

Масада пала. Осадная башня больше не дымилась, тараны застыли у стены, словно время остановилось. По выжженной насыпи пандуса, в клубах пыли, когорты Рима поднимались к пролomu. Вскоре они вошли в крепость.

Профессор Вейр и Крис поднимались следом. Мар Лициний лично пригласил их наблюдать за «победой».

С вершины крепости открывался потрясающий вид: с одной стороны – Иудейская пустыня, бескрайняя и молчаливая, с другой – сверкающая гладь Мертвого моря. Горячий воздух пустыни накатывал волнами на разрушенную крепость – последний оплот zelотов. Вокруг стояла нестерпимая жара.

Воздух пульсировал, как будто сама земля дышала. Песок внизу будто бы плавился под солнцем. Вейр почувствовал, как по виску катились тяжелые капли пота.

Крепость царя Ирода состояла из нескольких уровней, вырезанных в скале. Каменные здания, сложенные из желтого известняка, тянулись вдоль плато. На юге возвышался дворец: трехъярусное строение с колоннадой, термальной баней, залами с мозаичными полами и фресками. Внутри – кессонные потолки¹, расписанные геометрическими узорами и виноградными лозами. Стены укра-

шены темно-красными и синими панелями. В одном зале уцелела ниша с лавками — комната для пиров.

Рядом — огромные резервуары для воды, наполненные дождевой водой благодаря системе акведуков и цистерн. Хранилища зерна, кувшины с маслом и вином. Все в порядке. Все — нетронуту.

И среди всего этого — мертвые тела. Мужчины, женщины, дети. Кто-то лежал на полу, кто-то — в объятиях. Кто-то сидел, уронив голову на стену. Ни одного живого. Только смерть. Без шума. Без крови. Только остановленное время.

Римляне были сбиты с толку. Ожидали жесточенный бой — но получили молчаливый вызов.

— Они... убили себя, — сказал один из легионеров.

— Все... — прошептал Крис. — Они не дали нам ни одной цели.

Мар Лициний стоял в центре зала с каменным лицом. Вейр подошел к нему.

— Они предпочли смерть подчинению. Вы ожидали триумфа. Но получили — безмолвие.

Мар сжал рукоять меча.

— Это не триумф. Это...

— Это зеркало, центурион. Они показали вам, что даже меч Рима не проникает в сердце, которое выбрало свободу.

Мар резко обернулся.

— Рим победил!

— Рим вошел в город мертвых.

Мар шагнул ближе, его лицо потемнело от гнева.

— Ты видишь слабость там, где я вижу мужество. Они бежали от нашей власти в смерть.

¹ В северном дворце (самом роскошном) археологи обнаружили фрагменты потолков с декоративной штукатуркой и лепниной, включая имитации кессонов — то есть вдавленных геометрических панелей, характерных для римской архитектуры.

Вейр не отступил.

— А я вижу, как Рим не смог предложить ничего, кроме страха. И получил ответ не мечом — но выбором.

Порыв ветра сорвал с одного из тел кусок ткани и унес его в пустыню. Песчаные вихри плясали внизу, под скалами. Над Мертвым морем дрожало морево.

К ним подошел Сильва. Он держал кубок с вином, на губах играла тень иронии. Он взглянул на тела и спокойно сказал:

— Хорошо. Рабов не будет. Значит, меньше хлопот.

Вейр вскинул глаза.

— У вас на губах — вино, а у них на губах — кровь. И вы называете это победой?

Сильва пожал плечами.

— Победа — это когда враг исчезает. Какая разница, от чего он исчез?

Крис скрипнул зубами. Вейр молча вздохнул. На фоне зала, украшенного фресками, алыми, как кровь, их слова звучали как эхо будущего, заброшенное в прошлое.

— Вы не видите трагедии? — продолжал Вейр.

Сильва усмехнулся.

— Трагедия — для театра. Здесь — политика. Масада пала. Рим утвердился.

— Рим утвердил лишь свою неспособность понять человека.

Легат сделал глоток вина.

— Ты философ. Я — солдат. Мы говорим на разных языках.

В стороне от них кто-то поднял щит — римляне осматривали тела, ища ценности. Пыль летала в воздухе, оседая на мертвых, как прощальный саван.

Мар снова подошел ближе.

— Ты веришь, что их смерть была достойной?

— Я верю, что достоинство — это то, что вы не смогли отнять.

– Твои слова опасны, – проворчал Сильва.
– Истина всегда опасна, когда ее слышат уши власти.
Среди камней, глядя на пустую крепость, Вейр сказал:
– Рим падет. Придут те, кого вы презираете. Варвары.
И разрушат то, что казалось вечным.

Мар вспыхнул.

– Боги не допустят! Рим – избранный!

– Вот в этом и ваша ошибка, центурион. Империи не вечны. А истина – да.

Мар сжал губы. Его взгляд метался между мертвыми и живыми.

Они вышли на площадку у восточной стены. Ветер гнал песок по ступеням. С вершины было видно все: лагерь, пустыню, пустую победу.

– Настоящая сила, – сказал Вейр, – не в том, чтобы заставить склониться. А в том, чтобы дать право не склоняться.

Он посмотрел вниз.

– Здесь не Рим победил. Здесь победила боль. Свобода в боли. Истинная победа не в силе, а в выборе.

И Мар Лициний, стоящий за его спиной, не сказал ни слова.

ГЛАВА 7. ПРОЩАНИЕ

Вечером, когда жара наконец отступила, над лагерем Десятого легиона раскинулась тишина, наполненная дымом, вином и шорохом торжественной суеты. Победа была достигнута, Масада – взята, и легат Сильва решил устроить пир. Он велел привести Вейра и Криса – не как пленных, но как гостей.

– Победителей судят по их великодушию, – сказал он, – а не по числу убитых.

Огромный костер из полен акаций, тамариска и финиковых пальм, привезенных с побережья Мертвого моря, полыхал в центре лагеря. Воины сидели на сложенных коврах, ели хлеб с медом, мясо, жаренное на вертеле, и запивали все красным вином из амфор. Звучали песни, тосты, вспоминались погибшие товарищи. Дым и смех перемешивались в вечернем воздухе, отдаленно пахнувшем миром.

Вейр и Крис сидели рядом с Маром и легатом, окруженные трибунами, оптионами, и несколькими сотнями легионеров, которые еще утром не знали, будут ли живы к вечеру. Крис, ошеломленный резкой сменой настроений – от смерти к ликованию, – держался напряженно. Вейр же был спокоен, как всегда, но в его взгляде читалась сосредоточенность.

Сильва поднял кубок.

— Сегодня мы не делим вино. Сегодня мы делим славу. Пусть эта ночь запомнится, как ночь, когда Рим стал вечен еще раз!

— Ave Roma!¹ — прокатилось эхом.

Когда шум чуть стих, Сильва поднялся.

— А теперь — слово тому, кто был свидетелем нашей победы. Он уходит, но пусть оставит нам слово. Может быть — урок.

Вейр встал. Все взгляды обратились к нему. Он выдержал паузу, потом заговорил:

— Сегодня вы празднуете победу. Но позвольте мне рассказать вам не о сегодняшнем дне — а о завтрашнем.

Он повернулся к Сильве.

— Легат Луций Флавий Сильва, победитель Масады. Ваше имя войдет в историю. Вас ждет консулат, вы вернетесь в Рим. Вас будут приветствовать, но за спиной — перешептываться. Титус Корнелиус — ваш будущий партнер в консульстве — будет говорить с вами вежливо, но за глазами собирать обвинения.

Сильва хмыкнул, но не перебил Вейра.

— Сенаторы будут завидовать и шептать о ваших долгах и затратах. Припомнят затраты на пандус, машины, поддержку поставок амуниции и провианта. Один из них, Квинт Аврелий, предложит пересмотр премий для командующих. Вы устоите. Но это будет начало конца.

— Император умрет, — продолжал Вейр. — Веспасиан, отец победы, умрет в 79 году. Его сын Тит — в 81-м.

Последние слова Веспасиана будут: «Император должен умереть стоя» — пример римского прагматизма даже перед лицом смерти. Сенат провозгласит его как *divus* (божественный). В день смерти Веспасиана упадет звезда,

¹ Да здравствует Рим!

а потом начнется извержение Везувия, которое уничтожит город Помпеи.

После Веспасиана императором станет Тит, но он будет править всего два года. Его отравят. Светоний назовет эпоху правления Тита как «любовь и утешение человечества».

После Тита императором станет тиран Домициан, младший сын Веспасиана. Но для Рима это будет концом эпохи милосердия – впереди будут целых пятнадцать лет террора. И тогда все, кто добился чего-то слишком громко, окажутся под подозрением. Вы не будете казнены. Но ваша слава померкнет. Вас забудут. До тех пор, пока одна крепость в пустыне не напомнит о вас... спустя две тысячи лет.

Наступила тишина. Даже вино на мгновение перестали наливать. Сильва выдохнул сквозь зубы:

– Ты превращаешь наш праздник в надгробную речь.

Вейр спокойно:

– Иногда лучше услышать правду при жизни.

Крис заметил, как напрягся Мар. Он подался вперед и тихо, почти с вызовом, сказал:

– А ты? Ты знаешь свою судьбу?

Вейр улыбнулся:

– Да. Я не увижу снова свою эпоху будучи таким же, каким я был до прихода сюда. Даже если вернусь обратно в свое время. Потому что видел прошлое. А прошлое меняет нас сильнее, чем будущее.

Крис, подливая себе вина, не удержался:

– Почему вы не чувствуете сожаления? Столько мертвых. Самоубийство целого народа.

Мар пожал плечами.

– Мы – солдаты. Не судьи. Мы исполняем.

– Вы – палачи, которые не чувствуют крови на руках, – бросил Крис.

Сильва ответил вместо Мара:

— Потому что руки Рима всегда в крови. Это и есть Империя.

Наступила короткая пауза. Пламя костра колебалось на ветру, отражаясь в глазах легионеров.

Вейр заговорил вновь:

— Но все-таки, вы отпускаете нас. Почему?

Сильва, криво улыбаясь:

— Потому что вы не враги. Вы — зеркало. А смотреться в зеркало иногда полезно, даже если не нравишься себе.

Мар прищурился и заговорил с оттенком скепсиса:

— Если бы ты действительно верил, что Рим падет... ты попытался бы изменить ход событий?

Вейр покачал головой.

— Истина не в силе изменить. Истина — в том, чтобы быть сказанной.

Пир продолжался еще несколько часов. Потом огни начали угасать, а воины — отходить ко сну. Пыль осела. Лагерь затих.

Наутро, у выхода из лагеря, центурион Мар Лициний пришел проводить их. Он был в полном облачении. В его руке сиял сигнум — знак когорты, знак власти.

— Вы могли бы изменить будущее, — сказал ему Вейр.

— Нет. Я лишь солдат Рима, — ответил Мар.

Вейр смотрел ему вслед.

— Центурион Мар Лициний совершил ошибку. Он не принял истину. Но он услышал ее. Этого достаточно.

ЭПИЛОГ

О чем молчал центурион

Лекция подходила к концу, но никто из студентов не спешил покинуть зал. Воздух был плотным от молчаливого ожидания. Все внимание было сосредоточено на фигуре у кафедры — седовласом профессоре, чьи глаза будто смотрели сквозь века.

— История Масады — не о гибели, — произнес он негромко, но ясно. — Она — о последнем доказательстве, что дух может быть крепче меча.

Он сделал паузу, окинул взглядом аудиторию.

— А теперь — вопрос вам, мои магистранты. Готовы ли вы, люди XXI века, к такому выбору? Не к смерти — нет. А к верности себе. К пониманию, что сила — это не то, что пробивает стены, а то, что остается, когда стены рушатся.

Порядок без человека — это не цивилизация. Это клетка.

Профессор на миг замолчал, потом заговорил снова — тихо и спокойно:

— Когда мы изучаем историю, мы видим даты, имена, числа. Кто, где, когда, сколько погибло. Но история — это не только факты. Это выбор. Личный. Иногда необъяснимый. Иногда — окончательный.

Я стоял среди останков тех, кто предпочел смерть жизни в рабстве. И рядом со мной стоял римский центурион — человек с железной верой в порядок, в Рим, в силу.

Он не понимал, как можно умереть, не сражаясь. И это была его главная ошибка.

А я понял. Эти люди, пусть и проигравшие битву, победили. Они победили в главном — в верности себе. Свобода для них была не лозунгом, а дыханием.

Масада не была победой Рима. Она стала зеркалом, в котором Империя впервые увидела предел своей силы.

Он закрыл папку.

— Даже великая империя не может завоевать волю, если та готова умереть, но не склониться.

Профессор Вейр помолчал немного и тихо добавил:

— Благодарю за внимание.

Фрагмент из ЖУРНАЛА ПРОФЕССОРА ВЕЙРА

Файл №47–Ω. Проект «Масада»

гриф: ДСП. Внутренний архив МФК

...В результате неконтролируемого перемещения, вызванного активацией Щита-Ω, мы оказались в районе крепости Масада, приблизительно в 73–74 годах нашей эры, в разгар осады силами римского легиона X Fretensis, под командованием легата Луция Флавия Сильвы.

Контакт был установлен с центурионом первой центурии, Маром Лицинием, который был направлен в патрульную миссию. Центурион демонстрировал фанатичную преданность римским идеалам. Он верил: порядок оправдывает любые средства.

После завершения строительства насыпи и разрушения крепостной стены с помощью осадной башни-тарана римляне проникли внутрь Масады. Но они не встретили сопротивления.

Все защитники крепости совершили массовое самоубийство, чтобы не попасть в рабство. Это был не акт отчаяния, а осознанный выбор. Центурион воспринял это

не как победу, а как пощечину. Как вызов его вере в силу и незыблемость Рима.

Масада не была военной победой. Она стала границей, за которой заканчивается власть меча и начинается свобода духа. Свободная воля оказалась непобедимой.

ПРИМЕЧАНИЕ

В повести использованы реальные исторические события и имена. Однако сюжет, диалоги и интерпретации являются художественным вымыслом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	3
Глава 1. Щит-Ω	5
Глава 2. Контакт в пустыне	8
Глава 3. Первая Когорта	12
Глава 4. Допрос у легата	16
Глава 5. Пыль и кровь Иудеи	20
Глава 6. Ошибка Центуриона	23
Глава 7. Прощание	27
Эпилог	31
Примечание	34

Виктор Харебов
Сергей Харебов

Ошибка Центуриона
Из цикла «Хроники стародавних царств»

Корректор Светлана Харитонова
Иллюстрации <https://chatgpt.com/>

Профессор Вейр и его ассистент Крис Кеннетт переносятся на машине времени в 73 год н.э. и становятся свидетелями взятия римлянами крепости Масада. Их встреча с центурионом Маром Лицинием оборачивается философским поединком о власти, истине и цене порядка. Пока Рим празднует победу, Вейр понимает: свобода начинается там, где кончается страх. Это повесть о времени, выборе и о том, что сильнее — меч, внушающий подчинение, или дух, способный умереть, но не склониться.

ISBN 978-5-0065-9730-3

9 785006 597303 >